

На правах рукописи

Шилова Наталья Петровна

**РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОЕМ БУДУЩЕМ ОТ
ПОДРОСТНИЧЕСТВА ДО ВЗРОСЛОСТИ**

Научная специальность 5.3.7 Возрастная психология (психологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в департаменте психологии института педагогики и психологии образования Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Научный консультант: доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
Савенков Александр Ильич

Официальные оппоненты: **Малых Сергей Борисович**, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий лабораторией возрастной психогенетики ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований»

Вачков Игорь Викторович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета общей и клинической психологии НОЧУ ВО «Московский институт Психоанализа»

Кашапов Мергалис Мергалимович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Защита состоится «12» ноября 2026 г. в 11-00 часов на заседании Диссертационного совета на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН) по адресу: 129266, г. Москва, ул. Ярославская, 13, к.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН): <https://ipran.ru/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат психологических наук

Никитина Елена Альфредовна

Актуальность исследования. Устройство общества в XXI веке подвергается воздействию процессов и явлений, связанных с ростом экономической и политической нестабильности, глобальными эпидемиями, военными конфликтами и т.д. При этом наблюдается стремительное развитие цифровых виртуальных сообществ и социальных сетей, персональных гаджетов и технологий искусственного интеллекта. В этих условиях также существенно меняются процессы психического развития человека.

В связи с трансформациями современного общества претерпевает изменения и содержание представлений личности о будущем. Как показывают исследования, ключевой тенденцией становится переход от жесткого жизненного планирования к гибкому проектированию будущего, требующему развития «компетентности в проектировании времени» — личностного ресурса, позволяющего молодежи конструктивно преодолевать кризисы развития в условиях неопределенности [Андреева и др., 2025]. Тем самым формируется поколенческая специфика жизненных ценностей и соответствующих им установок современной молодежи. Сегодня для юношей и девушек характерны установки на гибкость в проектировании жизненного пути, экологичность, психическое здоровье, цифровизацию всех сфер жизни, баланс между работой и личной жизнью. Это способствует формированию субъектности, в которой сама личность выступает автором своей жизни, а ее деятельность становится не просто реакцией на среду, а сознательным, целенаправленным актом изменения себя и мира вокруг. При этом современная молодежь сталкивается с необходимостью самоопределения в условиях неопределенности и множественности жизненных сценариев. Согласно Д.А. Леонтьеву (2015), выбор — это не просто рациональное решение, а внутренняя работа, связанная с поиском смысла, ценностей и идентичности. Эта внутренняя работа личности в условиях сложного выбора является ключевым фактором, определяющим специфику современных представлений о будущем. Как подчеркивает К.А. Абульханова-Славская, именно активная субъектная позиция позволяет личности стать «самостоятельным центром временной детерминации» [Абульханова-Славская, 1991, с. 70], что напрямую влияет на формирование представлений о будущем и переживание возрастных переходов.

Если ранее ключевые события, знаменующие переход во взрослость, были сконцентрированы у большинства молодых людей на одном временном интервале, то сегодня, как отмечают исследователи [Клементьева, 2020; Манукян, 2022; Arnett,

2001, 2016; Crocetti, Tagliabue, 2016, и др.], мы наблюдаем их индивидуализацию во времени жизни. Юность как переходный этап между подростничеством и взрослостью признается решающим возрастом для становления представлений о будущем [Левин, 2000]; при этом границы юношеского возраста остаются предметом дискуссий в психологии из-за их социокультурной обусловленности и динамичности современного мира. Осмысление и восприятие современными юношами и девушками как самих ключевых жизненных событий, так и своей роли в них, связаны с их психологическим благополучием, влияющим на формирование их представлений о будущем.

Итак, трансформации современного общества затрагивают все сферы жизнедеятельности человека и тем самым актуализируют потребность в системном анализе ключевого психологического конструкта юношеского возраста — представлений личности о своем будущем. Возникает необходимость в систематическом изучении того, как именно меняются эти представления в период от подростничества до взрослости, и какие качественные изменения в них происходят.

Научная разработанность проблемы. Можно констатировать, что современные юноши/девушки принадлежат к первому поколению, которое сформировалось в эпоху информатизации и сетевых цифровых технологий, безусловно, определяющих все сферы их жизни [Богачева, Сивак, 2019; Кашапов, Смирнов, Соловьева, 2022; Радаев, 2020; Чеснокова, Чурбанова, Молчанов, 2019; Савенков, Савенкова, 2023; Яницкий и др., 2019; He et al., 2024; Schwartz et al., 2017; Pu et al., 2023]. Анализ работ по психологии развития [Божович, 2008; Гинзбург, 1987; Кон, 1989; Мухина, 2020, 2022; Перевозкина, Нестерова, 2025; Слободчиков, Исаев, 1998, 2012; Эльконин, 1989; Эриксон, 1996] свидетельствует о том, что профессиональное самоопределение выступает одной из ключевых содержательных характеристик представлений о будущем в подростничестве и юности. При этом, как отмечала К. Абульханова-Славская, для одних старших подростков представления о будущем связаны «...с профессиональным выбором, для других — с личностными притязаниями и со своими будущими достижениями (удачная карьера), у третьих — с личными устремлениями и потребностями (дружба, любовь, семья)» [Абульханова-Славская, 1991, с. 144]. С точки зрения экзистенциальной парадигмы, это означает, что человек сформировал для себя основные смыслы и жизненные ценности, определился в ключевых областях жизни — в личных отношениях, профессиональной реализации и социальном участии, — а также представление об

основных событиях своей будущей жизни [Жилинская, Бочавер, 2018; Мухина, 2010; Pichayayothin, 2014]. При этом, вслед за Д.А. Леонтьевым, выбор (в том числе профессиональный) трактуется не просто как оценка внешних альтернатив, а как акт самоопределения, исходящий из «Я», где человек строит свои временные перспективы и выбирает варианты, максимально соответствующие его образу себя в будущем [Леонтьев и др., 2015].

В психологии накоплен богатый материал об изменении временной перспективы. Отмечается, что успешное решение содержательных возрастных задач и развитие временной перспективы будущего в юношеском возрасте связаны друг с другом. Так, исследователи указывают на следующие взаимосвязи: направленность личности на будущее в юношестве связана с карьерной зрелостью, с эффективностью в саморегуляции при обучении и планированием времени на получение образования [Вачков, Саликова, 2024; Петрова, 2019; Seginer, 2003; Shirai, Nakamura, Katsuma, 2012; Zhu et al., 2025; Nao et al, 2024; и др.]. Ориентируясь на более далекое будущее, юноши/девушки ставят перед собой больше целей, связанных с самореализацией и саморазвитием [Lens et al., 2012; Shirai et al., 2025]; чем дальше простирается их временная перспектива, тем больше у них учебных целей [Kauffman, Husman, 2004]; а чем больше временной интервал, в котором осознается эффективность будущей профессиональной деятельности и карьеры, тем выше образовательные амбиции [Гриднева, Толстых, 2022; Лукина, Соловьева, 2019]. Эти идеи согласуются с позицией К. Левина, который считал масштаб временной перспективы одним из фундаментальных изменений в юношеском возрасте: вместо краткосрочных целей (дни, недели), характерных для подростков, появляется ориентация на годы [Левин, 2000]. Исследования Е.И. Головахи и А.А. Кроника дополняют эту картину, демонстрируя, что психологическое время личности структурируется не только хронологией, но и сложной сетью причинно-следственных и целевых связей между значимыми событиями жизни [Головаха, Кроник, 2008]. Следовательно, развитие представлений о будущем — это не простое «удлинение» перспективы, а качественное изменение ее внутренней структуры. При этом, как подчеркивает М.Р. Гинзбург, функцией психологического будущего является обеспечение смысловой и временной перспективы, где «...в качестве структурных компонентов выделяется смысловое будущее (личностное проецирование себя в будущее) и временное будущее (собственно планирование)» [Гинзбург, 1994, с. 50].

Указывая на значимость изучения представлений о будущем, современные зарубежные исследователи фокусируются на выделении значимых для развития этих представлений параметров. Так, Дж. Гусман с коллегами наряду с удлинением временной перспективы предлагают учитывать такие параметры, как степень ее четкости/размытости и ее качественную структуру [Reconceptualizing Future Time Perspective Extension..., 2025]. Т. Теттеро с коллегами показывают, что «...для достижения личностно значимых будущих целей ключевое значение имеет способность детально и ярко представить себя в будущем» [Tettero et al., 2026]. Однако подобные модели, несмотря на их детализацию, сосредоточены на оценке текущего психологического состояния и не позволяют исследовать динамику развития. Активно разрабатываются высокотехнологичные инструменты, позволяющие увидеть виртуальный образ «Я» в будущем (например, [Mertens et al., 2024]), однако подобные интервенции, формируемые вне целостного, системного подхода, остаются эмпирически ограниченными.

Вместе с изменением временной перспективы трансформируется и сам процесс взросления: современные исследователи обращают внимание на то, что он становится более гетерохронным [Митрофанова, 2020; Манукян, 2022; Arnett, 2001 и др.]. При этом выделение универсальных критериев взросления усложняется [Манукян, 2022; Crocetti, Tagliabue, 2016; Spéder, Murinkó, Settersten, 2014; Zhong, Arnett, 2014 и др.]. Если раньше это были объективные, внешние маркеры, такие как начало профессиональной деятельности, финансовая независимость, появление семьи и детей, то в последнее время они все больше и больше приобретают субъективный, внутренний характер: осознание личной ответственности, ощущение независимости и самостоятельности при выборе будущего [Литвинова, 2020; Манукян, 2022; Arnett, 2014б; Ayotte, Revell, Belanger, 2020; Sgaramella, Foresta, 2022 и др.]. Дж. Арнетт, предложивший для определения этого периода новый термин «становящаяся взрослость» (англ. *emerging adulthood*), указывает, что в современном мире даже людей в возрасте 30 лет трудно назвать полностью взрослыми [Arnett, 2000; Arnett, 2013; Arnett, 2016].

В многообразии современных практик развития четкие границы и привычные формы взросления, наряду с самим понятием возраста, постепенно размываются и теряют свою определенность и институционализированность [Поливанова, 2016], что порождает противоречие современности: необходимость сочетания гибкости в проектировании жизненного пути с развитой способностью к осознанному и

ответственному выбору. Для анализа этих изменений мы обращаемся к культурно-исторической концепции (Л.С. Выготский), в которой развитие предстает как циклический, неравномерный процесс, включающий не только эволюционное накопление новообразований, но и качественные трансформации (кризисы), сменяющие периоды стабильного развития.

Несмотря на богатство рассмотренных теоретических подходов, теоретико-методологический анализ позволяет констатировать наличие существенных противоречий в изучении развития представлений о будущем. Назовем три важнейших:

1. Противоречие между теоретической изученностью отдельных аспектов и отсутствием целостной модели развития представлений о будущем. В психологии накоплен значительный массив данных о временной перспективе, профессиональном самоопределении и проектировании будущего, о жизненных установках и ценностях в юношеском возрасте. При этом отсутствует целостная научная модель, системно описывающая динамику представлений о будущем на протяженном возрастном отрезке от старшего подростничества до ранней взрослости.

2. Противоречие между признанием фундаментальными принципов нелинейности, цикличности для понимания характера развития и отсутствием системного выделения периодизации развития представлений о будущем. В работах многих авторов есть указания на принципы и характеристики такого динамического развития, однако периодизации для исследуемого возрастного периода не приводится.

3. Противоречие между выявленным удлинением возрастных границ юности и отсутствием описанной последовательности трансформаций (кризисов), определяющих развитие представлений о будущем после возраста поздней юности. В психологических исследованиях процесс развития показан как многокомпонентный феномен, который позволяет личности достигать различных уровней самоорганизации. В то же время авторы отмечают, что этот процесс непрерывен, а констатация нового длительного периода развития (emerging adulthood) не подкреплена описанием динамики представлений о будущем на этом этапе.

Указанные противоречия свидетельствуют об отсутствии целостного, процессуального понимания того, как именно развиваются представления о будущем на этапе от старшего подростничества до ранней взрослости. Проблема исследования,

таким образом, заключается в отсутствии целостной, эмпирически обоснованной модели, описывающей динамику и качественные трансформации представлений о будущем на всем протяжении перехода от подростничества к взрослости. Исходя из этого, необходимо ответить на вопрос: какова динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости, и в чем заключается качественная трансформация этих представлений?

Предлагаемая работа — это самостоятельное исследование, сфокусированное на анализе развития представлений о будущем в юношестве. Под представлениями о будущем в рамках проведенного исследования понимается процесс конструирования человеком своей жизненной перспективы на основе ответственного выбора и осознанных потребностей, соотносимых с образом «Я» и реальными возможностями личности. Это динамическое и системное психологическое образование, являющееся непрерывным процессом внутренней работы по самоопределению и рефлексии. В нем интегрируются: способность сознательно прогнозировать и мысленно конструировать будущее; образ себя в будущем; ориентация во временной перспективе, связывающая прошлое, настоящее и будущее через осознанный выбор, значимые события и смыслы. При этом динамика понимается нами как эмпирическое выражение, раскрывающее процесс развития. Исходя из положений культурно-исторической психологии о диалектическом характере развития, смене стабильных и кризисных периодов (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин), системного подхода о нелинейности и самоорганизации психического развития (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко и др.), а также из представлений о гетерохронности взросления (В.Р. Манукян, Дж. Арнетт и др.) и качественной специфике выбора как акта самоопределения (Д.А. Леонтьев), мы предположили, что развитие представлений о будущем не сводится к линейному удлинению временной перспективы, а является целостной моделью с упорядоченной возрастной динамикой.

Объект исследования: динамика представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости.

Предмет исследования: представления современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет о собственном будущем.

Цель исследования: выявить динамику, включающую качественную трансформацию представлений о собственном будущем в юношестве и ранней взрослости.

Общая гипотеза: развитие представлений о собственном будущем современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет характеризуется упорядоченной возрастной динамикой, включающей качественную трансформацию во взаимосвязи параметров выбора и времени жизни.

Исследовательская работа по практической проверке теоретической гипотезы базируется на следующих частных гипотезах.

1. Динамика представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости задана возрастными изменениями роли субъекта и его отношения к событиям жизни.

2. Развитие представлений о будущем происходит путем чередования фаз, в которых доминирует формирование временных характеристик жизненной перспективы, и фаз, характеризующихся содержательным наполнением будущего.

3. В период от старшего подростничества до ранней взрослости различия в представлениях о будущем проявляются в параметрах выбора и восприятия времени жизни.

4. В период от поздней юности к ранней взрослости происходит принципиальное изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора: если на предшествующих этапах параметры временной перспективы выступают предикторами характеристик выбора, то в ранней взрослости удовлетворенность выбором становится значимым предиктором восприятия времени жизни.

Задачи исследования, через которые осуществлялось достижение поставленной цели и происходила проверка выдвинутых гипотез, подразделяются на теоретические и исследовательские.

Теоретические задачи:

- выявить основные подходы к исследованию развития личности в возрасте от 14 до 28 лет в работах отечественных и зарубежных психологов, философов, методологов;
- обобщить и систематизировать существующие научные знания о развитии представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости;

Исследовательские задачи:

- выявить и описать возрастную динамику представлений о будущем на последовательных годовых интервалах в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости;

- определить характерные фазы (этапы) в развитии представлений о будущем в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости и установить их содержание;
- описать элементы качественной трансформации представлений о будущем в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости;
- изучить взаимосвязи параметров выбора и восприятия времени жизни в возрастном диапазоне от старшего подростничества до ранней взрослости;
- построить модель развития представлений о будущем, отражающую фазовый характер этого процесса и ключевые качественные переходы внутри модели.

Теоретико-методологической основой выступают:

- положения культурно-исторической концепции о социальной ситуации развития, психических новообразованиях и ведущей деятельности как о ключевых характеристиках возраста (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, Б.Д. Эльконин);
- системный подход в психологии, способствующий рассмотрению становления взрослеющего человека как целостного и сложноорганизованного процесса (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, Е.А. Сергиенко);
- возрастно-психологический подход, позволяющий рассматривать представления о взрослении и возраст в условиях современной тенденции увеличения продолжительности детских возрастов, включая подростничество и переход ко взрослости (К.Н. Поливанова, В.В. Радаев, Н.Н. Толстых, Дж. Арнетт);
- отечественные и зарубежные исследования о временной перспективе, раскрывающие подходы к изучению будущего (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, В.И. Ковалев, К. Левин, Ж. Нюттен, Н.Н. Толстых);
- отечественные и зарубежные исследования психологии выбора, как сложной внутренней деятельности, требующей самоопределения, ответственности и готовности к неопределенности (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, В.А. Петровский, В. Франкл, Р.М. Райн, Э.Л. Деси).

Методы и методики исследования. Для решения поставленных задач и получения целостной картины развития представлений о будущем нами был разработан и реализован комплексный подход, включающий в себя следующие методы и методики.

1. Теоретический анализ имеющейся отечественной и зарубежной психологической, философской и педагогической литературы по проблеме исследования представлений о будущем в возрастном периоде от подростничества до взрослости, с выработкой исследовательской стратегии.

2. Эмпирические методы, куда вошли:

- методика «Прошлое, настоящее, будущее» А.Л. Венгера и Ю.М. Десятиковой для выявления значимых для юношей/девушек жизненных событий;
- методика И.С. Кона «Я через 5 лет» и компьютерная версия методики А.А. Кроника «LifeLine» для анализа представлений о будущем, а также для изучения их содержательных и временных характеристик;
- тест самодетерминации, разработанный Е.Н. Осиным на основе исправленной и существенно дополненной шкалы самодетерминации К. Шелдона;
- тест «Субъективное качество выбора профиля обучения», подготовленный Д.А. Леонтьевым, Е.Ю. Мандриковой, А.Х. Фам, взявшими за образец классический семантический дифференциал Ч. Осгуда;
- исследовательский прием изучения восприятия художественного образа взросления, показанного в художественных фильмах «Розыгрыш» В. Меньшова (1976 г.) и «Страна Саша» Ю. Трофимовой (2022 г.).

3. Методы статистической обработки данных, включая:

- анализ данных описательной статистики;
- анализ различий с применением U-критерия Манна-Уитни (пакет SPSS Statistics 27);
- иерархический кластерный анализ по методу Уорда (программный пакет R);
- корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена (пакет SPSS Statistics 27);
- регрессионный анализ (пакет SPSS Statistics 27);
- для некоторых исследовательских серий рассчитывался размер эффекта при помощи коэффициента d-Козна (пакет SPSS Statistics 27);
- коэффициент каппа Флейса (Fleiss' Kappa) для оценки степени согласованности.

Основные этапы исследования. Диссертационное исследование было выполнено в период 2012—2025 гг. и включало в себя несколько этапов.

На этапе теоретического анализа и формирования аппарата исследования осуществлялся анализ научной литературы по проблеме исследования; изучалась степень проработанности темы в рамках существующих исследований по

психологии; определялись цель, задачи и гипотеза исследования, а также его объект и предмет; подбирались банк диагностических методик.

Эмпирическое исследование включало два этапа, что позволило, опираясь на проблематику, обозначенную в теоретическом анализе, обеспечить целостность исследования модели развития представлений о будущем.

1. Изучение изменений в представлениях о будущем в юношеском возрасте. Систематизация возрастных различий временных (темпоральных) и содержательных характеристик представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости (2012—2021 гг., основной срез в 2018 г.).

2. Изучение качественной трансформации представлений юношей/девушек о будущем (2015—2025 гг.).

Всего исследование охватило 1694 человека. В первом этапе исследования приняли участие 1538 респондентов, во втором — 156. Возраст респондентов — от 14 до 28 лет, это граждане Российской Федерации, получающие общее, среднее профессиональное, высшее профессиональное, послевузовское образование, работающие в системе образования. Формирование выборки осуществлялось на базе образовательных учреждений. Участниками выступили обучающиеся всех уровней — от общего образования до аспирантуры (включая очную и заочную формы обучения в вузах), а также молодые преподаватели. Выборка формировалась через образовательные организации, и все участники исследования — либо учащиеся (школьники, студенты организаций СПО, аспиранты, студенты вузов очной и заочной форм обучения), либо молодые преподаватели. Именно в системе образования, в период активного профессионального и личностного самоопределения, наиболее рельефно формируются и проявляются те самые динамические, субъектные представления о будущем, важной составляющей которых является выбор, — что соответствует ключевому психологическому признаку для нашего исследования [Воронин, 2005].

Научная обоснованность и достоверность полученных результатов обусловлена точностью применяемых методологических положений, полнотой теоретического анализа выявленных проблем, соответствием эмпирической схемы поставленным задачам, адекватностью диагностических методик, репрезентативной выборкой, большим массивом полученных данных и применением методов статистики для обработки данных.

Научная новизна исследования заключается в решении сложной научной проблемы возрастной психологии, имеющей важное социально-экономическое значение: выявление динамики и закономерностей развития представлений о будущем, фазность и нелинейность данного процесса от старшего подростничества к ранней взрослости.

В рамках изучения юношеского возраста впервые.

- Доказан нелинейный характер развития представлений о будущем, обусловленный системными изменениями таких параметров, как «субъектность – объектность», «оценочность – констатация» и их стабилизацией в четко фиксируемые возрастные фазы (14, 15–18, 19–23, 24–28 лет). Выделенные изменения в представлениях о будущем являются чередованием фаз временного осмысления будущего и фаз его содержательного наполнения.

- Установлено уникальное содержание представлений о будущем для каждой выделенной фазы. Для подростков будущее «случается»; в ранней юности формируется содержание будущего, основанное на анализе возможностей, образе будущей семьи и получении профессионального образования; в поздней юности собственные возможности рассматриваются в связи со временем; в возрасте ранней взрослости будущее — это связь «профессиональной деятельности» с семьей и личностью самого человека.

- Выявлена и содержательно описана ключевая качественная трансформация в развитии представлений о будущем на рубеже поздней юности и ранней взрослости. Установлено, что на предыдущих этапах восприятие времени выступало значимым предиктором выбора, тогда как на этапе ранней взрослости удовлетворенность сделанным выбором и самовыражение становятся значимыми предикторами восприятия времени. Таким образом, формируемая нами модель была дополнена новой качественной трансформацией.

- Разработана целостная модель развития представлений о будущем, охватывающая период от старшего подростничества до ранней взрослости. Модель описывает данный процесс как циклически-фазовый, где фазы «расширения времени» и «наполнения содержанием», создающие единую систему, поочередно выходят на первый план, что определяет вектор развития и обуславливает качественные преобразования на каждом цикле.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем. Проведенный анализ позволил систематизировать и обобщить существующие в

современной психологии и педагогике теоретические концепции о развитии представлений о будущем в юношестве. Впервые в отечественной психологии проведено комплексное изучение развития представлений о собственном будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости. Полученные данные обогащают такие области психологической науки, как возрастная психология и психология развития, в части понимания динамики и качественной трансформации представлений о будущем в период от подростничества до ранней взрослости. Диссертационная работа выполнена по научной специальности 5.3.7. «Возрастная психология» с учетом результатов теоретических и эмпирических исследований по психологии развития, возрастной и педагогической психологии.

Практическое значение исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены в рамках возрастно-психологического консультирования юношей и девушек. Описанная динамическая система является существенным вкладом в разработку нормативных показателей развития личности в юношестве.

Результаты исследования могут быть востребованы в образовательной практике. На их основе возможно выстроить эффективную стратегию обсуждения жизненных и профессиональных перспектив с юношами/девушками, создать условия для осознанного профессионального самоопределения, разработать технологии педагогического сопровождения индивидуальных образовательных траекторий. Кроме того, данные полезны при конструировании образовательных мероприятий — тренингов, семинаров, проектных сессий.

Положения, выносимые на защиту

1. Развитие представлений о будущем в период от старшего подросткового возраста до возраста ранней взрослости происходит через чередование стабильных периодов и периодов изменений. Переходными являются возрастные интервалы 14–15, 18–19 лет и 23–24 года, когда фиксируются значимые изменения параметров динамики («субъектность – объектность», «оценочность – констатация»). Данная закономерность служит эмпирическим основанием для построения фазовой модели развития представлений о будущем.

2. Развитие представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости представляет собой сложный нелинейный процесс, подчиняющийся фазовой динамике. Этот процесс характеризуется чередованием фаз временного осмысления будущего и его содержательного наполнения.

3. Выделены четыре качественно охарактеризованные возрастные фазы развития представлений о будущем: старшее подростничество — идеализированное расширение временной перспективы, высокий показатель насыщенности будущего; ранняя юность — наполнение содержанием через профессиональное и личностное самоопределение, длинная перспектива становится психологическим ресурсом; поздняя юность — осознание временных возможностей и ответственности за выбор, усиление эмоциональной оценки выбора; ранняя взрослость — содержательная интеграция жизненных сфер, когда центральным элементом выступает профессиональный статус, снижается количество межсобытийных связей, растет значимость реализованного прошлого и уверенности.

4. При переходе от поздней юности к ранней взрослости происходит качественная трансформация во взаимосвязи между восприятием времени и профессиональным выбором. Если в предшествующий период восприятие времени выступало значимым предиктором выбора, то в период ранней взрослости сделанный выбор (прежде всего, удовлетворенность им и самовыражение) становятся предикторами восприятия времени жизни.

Апробация результатов работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на: II Международной научно-практической конференции «Давыдовские чтения» (Москва, 2022); XVI Международной научно-практической конференции «Подросток в мегаполисе: поиск вопросов и ответов» (Москва, 2023); XV Международной научно-практической конференции «Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление» (Москва, 2021); Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Современное детство и родительство: наука, практика, призвание» (Москва, 2026); XXX Всероссийской научно-практической конференции «Новые условия и способы развития мышления» (Красноярск, 2024); XV Всероссийской научно-практической конференции «Подросток в мегаполисе: новая реальность» (Москва, 2022); XXIX Всероссийской научно-практической конференции «Практики развития: порождение, становление и удержание субъектности в образовании» (Красноярск, 2022); XXVI Всероссийской научно-практической конференции «Практики развития: теоретические и технологические решения и вопросы в цифровую эпоху» (Красноярск, 2019); XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Подросток в мегаполисе»: продолженное взросление» (Москва, 2019); XX

Всероссийской научно-практической конференции «Практики развития: современные вызовы» (Красноярск, 2013 г.).

Свидетельства о внедрении:

Материалы исследования применяются в практической работе Физико-математической школы-интерната ФГАОУ ВО Сибирский федеральный университет и Лицее ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Результаты проведенного исследования используются для повышения квалификации педагогов и психологов в КГАУ ДПО Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования и в ГАУ ДПО Институт развития образования Республики Башкортостан.

Материалы проведенного исследования приняты к использованию в учебном процессе при подготовке материалов лекционных и практических занятий по дисциплинам «Психология развития и возрастная психология», «Технологии социально-психологического сопровождения личности подростка», «Технологии социально-психологического сопровождения личности юношеском возрасте», «Практикум по возрастной психологии». Данные дисциплины формируют компетенции, предусмотренные образовательной программой специальности 37.03.01 «Психология» (бакалавриат), направленность «Социальная психология развития» и направленность «Психологическая диагностика и развитие личности», в ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет.

Структуру диссертации составляют: Введение, пять глав, Заключение, Список литературы (477 источников, из них 181 на иностранных языках), Приложения. Иллюстративный материал диссертации включает 10 таблиц и 19 рисунков.

Общая характеристика работы

Во **Введении** обосновывается актуальность проблемы исследования; формулируются цели, задачи, гипотезы и методологическая основа исследования; определяются теоретическая значимость и практическое значение работы, положения, выносимые на защиту; характеризуются эмпирическая база и методы исследования.

В Главе 1 «Развитие личности от старшего подростничества до ранней взрослости в работах отечественных и зарубежных психологов»

систематизированы основные подходы к исследованию развития личности в указанном возрастном периоде.

Анализ классических трудов отечественных ученых [Выготский, 1982, 2000; Эльконин, 1989; Петровский, 1987, 2007; Фельдштейн, 2004; Слободчиков, Исаев, 2012; Смирнов, 1929 и др.] позволяет выделить юность как переходный возраст от подростничества ко взрослости. В юности социальная ситуация развития уникальна: молодой человек впервые сталкивается со сложным и часто неопределенным миром, требующим от него выбора и принятия ответственности. Развитие, согласно принятой культурно-исторической концепции, происходит через стремление личности к «идеальной форме» — образу взрослости, воплощающему в себе совершенство и образцовость. Этот процесс опосредуется ведущей деятельностью — учебно-профессиональной, через которую формируется готовность к самоопределению и выстраиванию жизненных планов. В качестве наиболее важных жизненных задач юношеского возраста часто выделяются готовность к выбору, профессиональное и личностное самоопределение, выбор жизненной траектории [Клементьева, 2020; Данилова, 2020; Неяскина, Пронькина, 2017; Яремчук, Бакина, Ситяева, 2021 и др.], личностное осмысление собственной жизни [Клементьева, 2020; Курусь, Солдатова, 2020; и др.], достижение идентичности [Эриксон, 1996].

Решение ключевых задач юношеского возраста сопровождается существенным расширением восприятия времени: юноши/девушки начинают ориентироваться на более длительные жизненные этапы [Левин, 2000]. При этом в представлениях о будущем формируется смысловые и временные структурные компоненты [Гинзбург, 1994], выстраиваются целевые и причинные взаимосвязи между значимыми событиями жизни [Головаха, Кроник, 2008]. При этом названные взаимосвязи могут формировать временную перспективу разной степени связанности, однородности и протяженности [Husman et al., 2025].

Границы юношеского возраста невозможно определить однозначно требуется комплексный подход, учитывающий биологическое созревание и социокультурный контекст. В российской традиции юность разделяют на раннюю (14–15/18 лет) и позднюю (18–23/25 лет) [Кон, 1989]. Современные исследования фиксируют две ключевые тенденции: 1) удлинение юношеского возраста; 2) сдвиг критериев взрослости с внешних маркеров (окончание образования, отдельное проживание, создание семьи) на внутренние психологические параметры, такие, как ощущение независимости, чувство ответственности и самостоятельности при выборе будущего,

личностное восприятие образа взросления и образа взрослости [Манукян, 2022; Arnett, 2014; Sgaramella, Foresta, 2022; Li, Yu, Lyu, 2024 и др.]. В зарубежной психологии для описания этого переходного этапа предложен термин «emerging adulthood» (или «становящаяся взрослость», 18–29 лет), где акцент смещается на поиск идентичности и отсрочку приобретения «маркеров взрослости» (J. Arnett). В целом процесс взросления становится более индивидуальным и неравномерным [Митрофанова, 2020; Arnett, 2014].

Лонгитюдные данные последних лет подтверждают, что именно субъективное ощущение взрослости, а не хронологический возраст, определяет готовность к долгосрочному видению будущего [Li, Zhang, Lyu, 2023; Hao et al., 2024; Shirai, 2025]. Таким образом, современное юношество представляет собой протяженный во времени, многовариантный процесс, где фокус смещается с внешних достижений на внутреннее самоосмысление и построение гибких жизненных траекторий в условиях неопределенности и быстро меняющегося мира. Эти изменения ставят вопрос необходимости изучения качественной трансформации представлений о будущем на протяжении перехода от подростничества к ранней взрослости.

В Главе 2 «Теоретико-методологический анализ научных представлений о будущем» обобщены и систематизированы результаты исследований применительно к проблеме развития представлений о будущем.

Психологические исследования убедительно показывают, что восприятие времени жизни определяет то, насколько молодой человек ориентирован на настоящее или будущее [Абульханова-Славская, 2001; Головаха, Кроник, 2008]. Причем именно устремленность в будущее выполняет важную защитную функцию: она смягчает негативные эффекты социальной нестабильности и способствует психологическому благополучию молодежи [Parrello et al., 2024; Sirois, Hirsch, 2026 и др.]. Однако само понятие «ориентация на будущее» неоднородно. Как показала К.А. Абульханова-Славская, необходимо различать три аспекта: психологическую перспективу (способность сознательно предвидеть будущее), личностную (готовность действовать в условиях неопределенности) и жизненную (объективные условия, позволяющие воплотить задуманное) [Абульханова-Славская, 1991].

При этом содержание будущего не возникает на пустом месте. Представления о том, насколько протяженным будет жизненный путь, во многом зависят от значимых событий — тех самых «условных моментов и поворотных этапов», которые, по мысли С.Л. Рубинштейна, определяют дальнейшую жизнь человека на

длительный период [Рубинштейн, 2019]. Чтобы событие повлияло на представление о будущем, необходим внутренний механизм — рефлексивное отношение, позволяющее перейти от простого наблюдения к осмыслению происходящего [Леонтьев, Пилипко, 1995]. Как подчеркивает В.В. Знаков, «...понимание течения времени и осознание завтрашнего дня являются основными предпосылками для осознания будущего» [Знаков, 2025, с. 64].

Представления о будущем формируются в контексте культурных норм и социальных взаимодействий, где «...на первый план выходят свобода воли, свобода самоопределения и выбора (самодетерминация) субъекта» [Сергиенко, 2011, с. 121]. Согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, самоопределение означает опыт выбора и инициацию действий, которые согласуются с целостным самоощущением человека [Deci, Ryan, 2017]. В приложении к профессиональному выбору это означает, что человек отталкивается не от внешнего списка альтернатив, а от своего субъективного «Я»: он строит временные перспективы и выбирает те варианты, которые соотносятся с образом себя в будущем [Леонтьев и др., 2015]. Эмпирические исследования показывают, что в реальности выбор специальности редко следует чисто «автономной» логике: как отмечают С.Б. Малых и коллеги, он «формируется на пересечении внутреннего интереса, прагматических ожиданий и различных форм социального влияния» [Малых и др., 2026]. Таким образом, профессиональный выбор в юности — это не просто поиск работы, а акт самоопределения, в ходе которого конструируется будущее через призму формирующегося «Я» и его ценностей.

В научной литературе для описания этого конструкта нередко используется понятие «образ будущего». Ф. Полак определял его как позитивную модель, в которой субъективные ожидания влияют на реальность [Полак, 2003]. Б.Г. Ананьев указывал, что «субъективная картина жизненного пути» является центральным образованием самосознания, интегрирующим основные события биографии в единую систему координат [Ананьев, 1977]. Таким образом, отразившаяся в реальных событиях роль личности претерпевает рефлексивную оценку в формировании ценностных ориентаций. В рамках данного исследования мы рассматриваем представления о будущем не как статичную «картинку», а как динамическое психологическое образование, включающее как образ себя в будущем, так и ориентацию во временной перспективе, связывающую прошлое, настоящее и будущее, а также сам процесс конструирования жизненного пути.

Процесс конструирования включает в себя качественные трансформации: так, по К. Левину, становление взрослого мировоззрения связано с переходом к юности: подросток представляет будущее, отталкиваясь от текущего момента («здесь и сейчас»), а юноша или девушка уже интерпретируют настоящее через призму ожидаемых событий. Такой сдвиг неразрывно связан с самоопределением.

Несмотря на богатство теоретических подходов, динамика представлений о будущем в период перехода от старшего подростничества к ранней взрослости остается эмпирически неразработанной. С одной стороны, теоретические модели (К. Левин, 2000; Д.А. Леонтьев и др., 2015; Н. Нao et al., 2024) постулируют качественную трансформацию представлений о будущем в юности, с другой — отсутствуют эмпирические данные о том, как именно и в какие возрастные периоды происходят эти изменения, а также о том, как меняется сама логика взаимосвязи между восприятием времени и характеристиками выбора.

В Главе 3. «Временные (темпоральные) и содержательные характеристики представлений о будущем от подростничества до ранней взрослости» описан общий дизайн исследования и приведены результаты его первого этапа. Выборка первого этапа исследования составила 1538 респондентов (в том числе 610 юношей и 928 девушек) в возрасте от 14 до 28 лет ($M = 19,87$, $Me = 19$, $SD = 4,4$).

Исследование по выявлению возрастной динамики представлений о будущем проводилось по методике «Прошлое, настоящее, будущее» А.Л. Венгера и Ю.М. Десятиковой [Венгер, Десятникова, 1995], позволяющей оценить значимость событий прошлого, настоящего и будущего для респондентов. Обработка 19 881 описания значимых событий приводилась при помощи контент-анализа по 12 параметрам: 4 временным (удаленность событий прошлого/будущего относительно настоящего, общая протяженность времени важных жизненных событий, симметричность) и 8 содержательным («глобальность — частность», «конфликтность — адаптивность», «субъектность — объектность» и «оценочность — констатация»). Анализ выполняли три независимых эксперта-психолога. Надежность кодирования подтверждена коэффициентом каппа Флейса (Fleiss' Kappa): 0,937–0,975 ($p < 0,001$), что указывает на высокую согласованность оценок. На данном этапе мы опирались на позицию Б.Г. Ананьева [Ананьев, 1968], который подчеркивал, что дробные поперечные возрастные срезы (год за годом) необходимы для определения фаз развития, их нижних и верхних границ, а также дискретных переходов между фазами. Было выявлено, что временные параметры имеют тенденцию к связи с возрастом

респондентов, при этом существенное влияние на эту связь оказывают изучаемые содержательные параметры.

Параметры «глобальность – частность» имеют тенденцию увеличения с возрастом упоминания глобальных событий и снижения упоминания частных событий в качестве значимых применительно к своей жизни. Параметры «конфликтность – адаптивность» не показали значимых возрастных различий.

Полученные данные по таким параметрам как «субъектность – объектность» (роль респондента в называемых им событиях жизни), «оценочность – констатация» (рефлексивное, интеллектуальное отношение к событиям) показывают особый формат изменений — чередование выраженных изменений и стабилизации этих изменений (см. рис. 1-4).

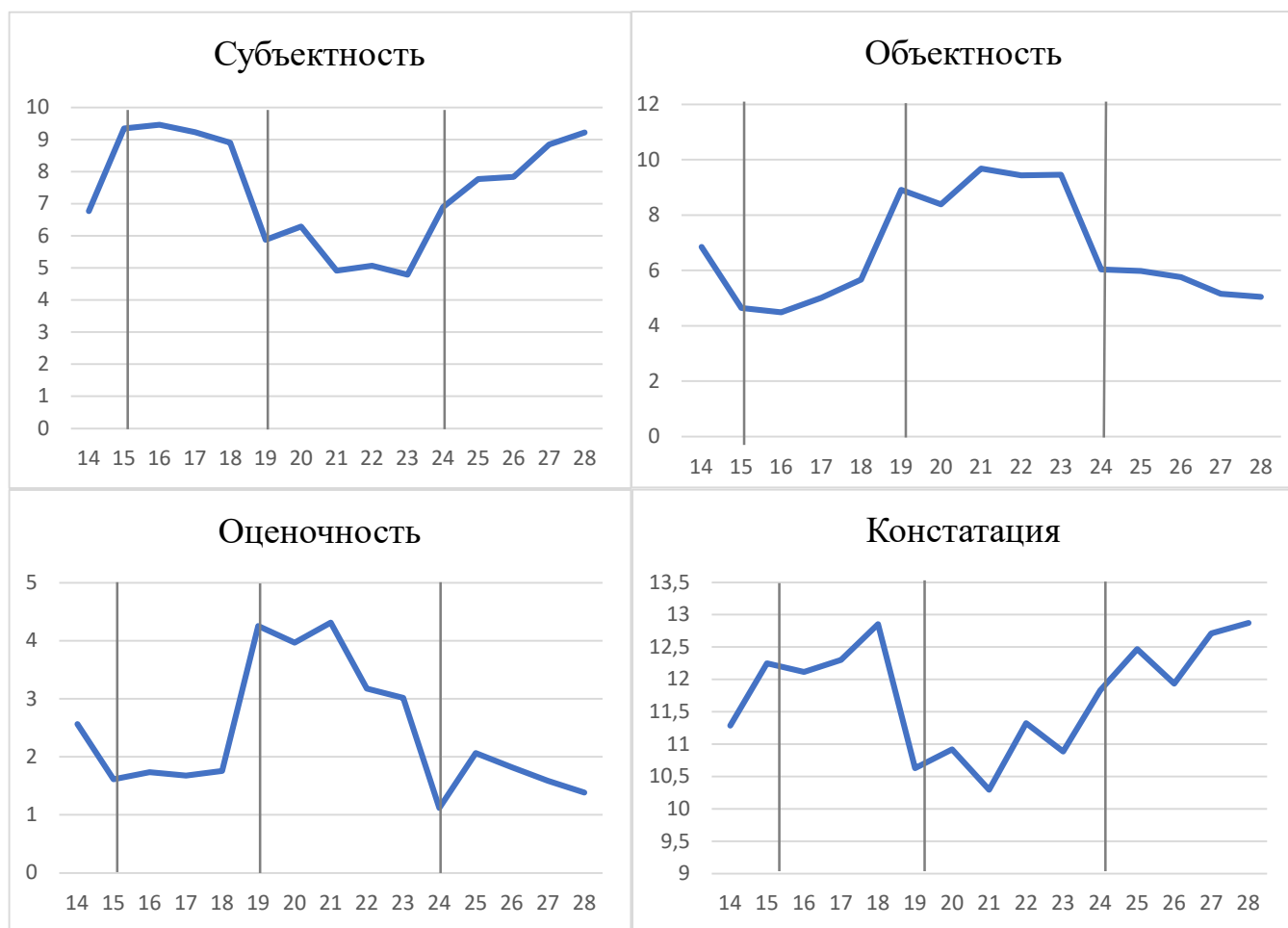

Рис. 1-4 Изменения в параметрах «субъектности – объектности» и «оценочности – констатации» при описании значимых жизненных событий респондентами от 14 до 28 лет в разбивке по возрасту, $n = 1381$

На рисунках 1-4 видны стадии понижения и повышения, а также взаимное соотношение изучаемых параметров. При этом субъектность и констатация

развиваются в противофазе к объектности и оценочности. Эти возрастные переходы подтверждаются статистически.

Переход между возрастами 14 и 15 лет. У 15-летних подростков достоверно повышается субъектность (активная роль в событиях, U-критерий Манна-Уитни 12179, $p < 0,000$, d-Коэна = $-0,488$) и снижается объектность (пассивная, воспринимающая роль, U-критерий Манна-Уитни 6986,5, $p < 0,000$, d-Коэна = $0,439$) по сравнению с 14-летними. Также отмечается статистически значимое увеличение упоминаний глобальных событий настоящего и констатирующих высказываний (U-критерий Манна-Уитни 10900, $p < 0,03$, d-Коэна = $-0,239$).

Переход между возрастами 18–19 лет. Группа 18-летних демонстрирует более высокую субъектность (U-критерий Манна-Уитни 3301,5, $p < 0,000$, d-Коэна = $0,690$) и склонность к констатации (U-критерий Манна-Уитни 3520,5, $p < 0,000$, d-Коэна = $0,620$), тогда как 19-летние — более высокую объектность (U-критерий Манна-Уитни 7347,5, $p < 0,000$, d-Коэна = $-0,746$) и оценочность (рефлексивное отношение, U-критерий Манна-Уитни 7293,5, $p < 0,000$, d-Коэна = $-0,730$). Эта тенденция продолжает усиливаться в возрасте 20–21 года.

Переход между возрастами 23–24 года. В 24 года наблюдается очередная фаза роста субъектности (U-критерий Манна-Уитни 3142, $p < 0,03$, d-Коэна = $-0,553$), снижения объектности (U-критерий Манна-Уитни 1373, $p < 0,000$, d-Коэна = $0,876$) и уменьшения рефлексивной оценочности по сравнению с 23 годами (U-критерий Манна-Уитни 1999,5, $p < 0,01$, d-Коэна = $0,677$). Эти изменения отражаются на следующей паре возрастов (24–25 лет) в виде изменений в сфере восприятия будущего и рефлексии. В 25 лет внимание смещается с частных событий будущего на глобальные.

Выделенные возрастные этапы (14 лет, 15–18 лет, 19–23 года, 24–28 лет) представляют собой эмпирически обоснованную условную группировку, позволяющую проследить динамику развития представлений о будущем; они не являются жесткой возрастной периодизацией и отражают статистически значимые переходы между возрастами.

Исследование значимых жизненных событий показало, что на переходах между этими периодами наблюдается противоположная динамика параметров: рост субъектности и констатации сопровождается снижением объектности и оценочности (и наоборот). Таким образом, мы можем зафиксировать возрастные переходы в изменении внутреннего отношения к событиям своей жизни и восприятию своей роли

в них и соответственно четыре условные возрастные группы, различающиеся по изучаемым параметрам развития представлений о будущем от старшего подростничества до ранней взрослости, что подтверждает частную гипотезу № 1.

Представления о будущем на каждом этапе изучались через анализ взаимосвязей слов в сочинениях на тему «Я через 5 лет» (методика И.С. Кона). В 1538 сочинениях (15 988 слов) частоты встречаемости популярных слов анализировались с помощью иерархического кластерного анализа (метод Уорда, среда программирования «R»). Этот метод, используемый в психолингвистике для установления семантических связей [Петренко, 2005], позволил выделить «сгущения» слов, разделить текст на подмножества с внутренними семантическими связями и сформировать группы сходных текстов с описанием каждого кластера. Выявлены кластеры: желания, ожидания, возможности, ценности, достижения и цели. При помощи кластерного анализа текстов сочинений каждой возрастной группы было установлено, что формирование представлений о будущем происходит в несколько шагов:

1. Будущее для подростков (14 лет) представляется как нечто отдельное от них в настоящем — это то, что «случится или произойдет потом». Отличие представлений подростков о собственном будущем от других участников исследования заключается в том, что, во-первых, у них еще не выделились четко шесть тематик, характерных для юношеского возраста, во-вторых, желания и возможности для них являются взаимосвязанными понятиями.

2. Будущее непосредственно для юношей и девушек связано с надеждами и позитивными ожиданиями. В представлениях о будущем юношей и девушек ранней юности, в отличие от всей остальной выборки, появляются две новые связи. В одной учеба связывается с работой, с будущим, со знаниями — и все это усиливается наречием «очень». Вторая — появление кластера целей, в котором на этом этапе, помимо всего прочего, появляется «счастливая семья».

3. В возрасте поздней юности фигурирует такая отличительная черта представлений о собственном будущем, как увязывание собственных «возможностей» со «временем».

4. В возрасте ранней взрослости, центральной темой представлений о будущем становится «профессиональная деятельность». Каждый кластер представляет собой достаточно связанный набор слов, который легко объединяется в отдельную тематику. Учитывая, что у этой категории респондентов слово «работа»

встречалось чаще всего, интересным является увязывание ее с детьми, с семьей и ими самими в будущем, и эта связь является «счастливой» и «интересной».

Схематично эти изменения представлений о будущем изображены на рис. 5.

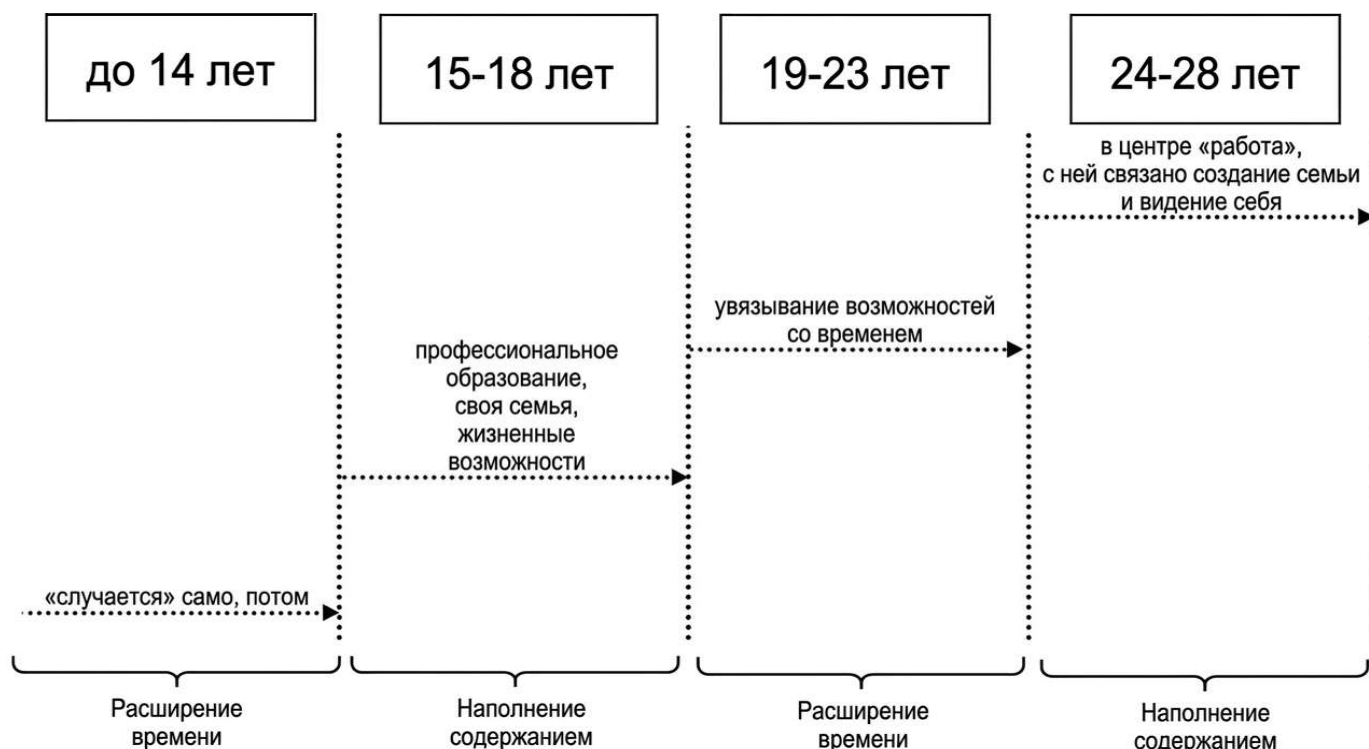

Рис. 5. Изменения в представлениях о будущем от подростничества до взрослости (n = 1538)

Таким образом, при исследовании представлений о будущем в возрастном периоде от подростничества до ранней взрослости было выявлено, что выделенные возрастные группы характеризуются чередующимися фазами: две из них (подростковый возраст и возраст поздней юности) демонстрируют осмысление будущего как времени, а две другие (возраст ранней юности и возраст ранней взрослости) являются фазами содержательного наполнения будущего, что подтвердило частную гипотезу № 2.

В Главе 4. «Исследование качественной трансформации представлений о будущем от старшего подростничества до ранней взрослости» приведены результаты второго этапа исследования. Выборка составила 156 респондентов (в том числе 78 юношей и 78 девушек) в возрасте от 14 до 28 лет ($M = 18,68$, $Me = 18$, $SD = 4,2$).

Статистический анализ (табл. 1) выявил значимые различия между 14-летними подростками и группами 15–28 лет по параметрам будущего: числу потенциальных связей, потенциальности, насыщенности, целеустремленности, субъективному возрасту будущего и ожидаемой продолжительности жизни — у подростков уровни этих показателей существенно выше.

Таблица 1. Значимые различия в параметрах выбора и временной перспективы между участниками исследования старшего подросткового возраста (14 лет) и другими возрастными группами (U-критерия Манна-Уитни)

Параметр	Me (14) n= 38	Me (15– 18) n= 48	P	d- Коэна	Me (19– 23) n= 38	P	d- Коэна	Me (24– 28) n= 32	P	d- Коэна
Целевые негативные	3	5,5	0,06	–0,416	2	0,712	–0,530	0	0,004**	0,696
Всего потенциальных связей	36	7	0,017*	0,327	9,5	0,026*	0,284	7,5	0,034*	0,965
Потенциальность	27,4	6,71	0,015*	0,386	12,53	0,03*	0,500	15,03	0,016*	0,517
Насыщенность будущего	27,8	6,71	0,015*	0,386	12,53	0,03*	0,500	15,03	0,016*	0,517
Целеустремленность будущего	19,5	4,6	0,013*	0,256	3,68	0,041*	0,152	1,88	0,000***	0,822
Субъективный возраст будущего	22,2	6,35	0,021*	0,367	10,02	0,03*	0,500	12,03	0,016*	0,517
Ожидаемая продолжительность жизни	90	85	0,030*	0,241	85	0,043*	0,413	80	0,000*	0,676

*Различия значимы на уровне 0,05; *** Различия значимы на уровне 0,001.

d-Коэна от 0,2 до 0,5 Средний размер эффекта; d-Коэна > 0,8 Высокий размер эффекта.

Эмоциональная окраска выбора — единственная переменная с устойчивыми значимыми различиями между респондентами ранней (15–18 лет) и поздней (19–23 года) юности ($U=1148$, $p < 0,040$, Me (для 15–18 лет) = 6, Me (для 19–23 лет) = 10, разность медиан = –4,000, ДИ при 95% (–7,000;0,000), d-Коэна = –0,352). Данные указывают на более позитивную окраску у респондентов 19–23 лет — выбор становится личностно окрашенным и позитивно воспринимаемым при переходе от ранней к поздней юности.

Статистический анализ (табл. 2) также выявил значимые различия между участниками ранней взрослости (24–28 лет) и другими возрастными группами по параметрам временной перспективы.

Таблица 2. Значимые различия в параметрах выбора и временной перспективы между участниками исследования ранней взрослости (24–28 лет) и другими возрастными группами (U-критерия Манна-Уитни)

Параметр	Me (24– 28) n= 32	Me (14) n= 38	P	d- Коэна	Me (15– 18) n=48	P	d- Коэна	Me (19– 23) n= 38	P	d- Коэна
Целевые позитивные	28,5	69	0,036*	0,585	59,5	0,012*	0,551	69	0,014*	0,616
Причинные негативные	0	2	0,027*	0,551	2	0,006**	0,574	2,5	0,009**	0,623
Целевые негативные	0	3	0,004**	0,696	5,5	0,000***	0,504	2	0,008**	0,699
Всего причинных	33	54	0,043*	0,563	49,5	0,027*	0,454	56,6	0,013*	0,645
Всего целевых	29	72	0,03*	0,665	66	0,001***	0,717	73,5	0,004**	0,744
Всего актуальных	18,5	42	0,006**	0,758	25	0,222	0,356	27	0,108	0,487
Реализованность прошлое	48,8	34	0,013*	–0,565	54,9	0,692	–0,067	56,8	0,768	–0,022
Насыщенность прошлое	48,8	34	0,011*	–0,565	54,9	0,692	–0,067	56,8	0,795	–0,022
Целеустремленность настоящее	4,9	23,8	0,022*	0,676	13,9	0,042*	0,386	11,6	0,056	0,499
Уверенность	84,2	75,9	0,016*	–0,444	68,1	0,001***	–0,709	71,6	0,001***	–0,792

Продолжение таблицы 2.

Параметр	Me (24– 28) n= 32	Me (14) n= 38	P	d- Коэна	Me (15– 18) n=48	P	d- Коэна	Me (19– 23) n= 38	P	d- Коэна
Субъективный возраст прошлое	39,0	27,2	0,011*	–0,565	44,9	0,802	–0,034	45,4	0,795	–0,022
Продуманность выбора	14	11	0,049*	–0,372	13	0,323	–0,157	12	0,154	–0,282

*Различия значимы на уровне 0,05; ** Различия значимы на уровне 0,01;

*** Различия значимы на уровне 0,001.

d-Коэна от 0,2 до 0,5 Средний размер эффекта.

Молодые взрослые демонстрируют более низкие уровни по ряду целевых и причинных событийных связей и более высокие — по уверенности (категоричности) по сравнению с респондентами 14–23 лет. Также отмечено повышение показателя продуманности выбора наряду со снижением интенсивности восприятия актуальных событийных связей относительно старших подростков (14 лет) и снижение целеустремленности в настоящем относительно групп 14–18 лет. Во всех случаях размер эффекта классифицируется как средний.

Соответственно значимые различия между возрастными группами показывают:

1. Старшие подростки (14 лет) демонстрируют высокий показатель насыщенности будущего, у них много планов, целей и предполагаемых событий в разных сферах жизни.

2. Различия между ранней (15–18 лет) и поздней (19–23) юностью характеризуется усилением эмоциональной оценки сделанного профессионального выбора.

3. Участники исследования возраста ранней взрослости (24–28 лет) отличаются более высоким показателем уверенности в жизненных событиях и одновременно снижением межсобытийных связей.

Таким образом, при исследовании различий между фазами развития представлений о будущем в период от подростничества до взрослости были выявлены значимые изменения параметров выбора и восприятия времени жизни, что подтверждает частную гипотезу № 3.

На следующем шаге исследования были проанализированы связи между показателями временной перспективы будущего и характеристиками

профессионального выбора. Корреляционный анализ проводился при помощи коэффициента Спирмена внутри возрастных групп (табл. 3).

Таблица 3. Значимые корреляционные связи параметров выбора и временной перспективы между участниками исследования от старшего подростничества до ранней взрослости

Параметр выбора	Возраст	Параметры времени
Продуманность	14 (n=38)	Реализованность прошлое (–0,340*); насыщенность прошлое (–0,343*); эмоциональность (–0,394*); субъективный возраст прошлое (–0,343*)
	24-28 (n=32)	Причинные позитивные (0,357*); уверенность (–0,493**); целевые негативные (0,522**)
Эмоциональная окраска	14 (n=38)	Ожидаемая продолжительность жизни (0,349*); уверенность (0,381*); эмоциональность (0,406*)
	19-23 (n=38)	Уверенность (0,326*)
Самостоятельность	14 (n=38)	Уверенность (0,439**); эмоциональность (–0,338*)
	15-18 (n=48)	Причинные негативные (–0,318*)
	19-23 (n=38)	Всего потенциальных (–0,324*); уверенность (0,340*); целеустремленность будущее (–0,344*)
	24-28 (n=32)	Всего актуальных (–0,595***); актуальность настоящее (–0,471**); целеустремленность настоящее (–0,584***); насыщенность настоящее (–0,471**); субъективный возраст настоящее (–0,471**)
Удовлетворенность	14 (n=38)	Всего реализованных (–0,383*); реализованность прошлое (–0,409*); ожидаемая продолжительность жизни (0,609***); насыщенность прошлое (–0,397*); уверенность (0,365*); субъективный возраст прошлое (–0,397*)
	15-18 (n=48)	Всего актуальных (0,305*); ожидаемая продолжительность жизни (0,440**); целеустремленность настоящее (0,352*)
	19-23 (n=38)	Уверенность (0,386*)
	24-28 (n=32)	Причинные негативные (0,446*); причинные позитивные (0,481**); всего причинных (0,511**); целевые негативные (0,416*); целевые позитивные (0,404*); всего целевых (0,412*); всего реализованных (0,392*); ожидаемая продолжительность жизни (0,489**); целеустремленность прошлое (0,388*); целеустремленность будущее (0,407*); уверенность (–0,490**); эмоциональность (0,360*)
Шкала автономии	14 (n=38)	Причинные негативные (–0,378*); целевые негативные (–0,547***); всего потенциальных (–0,333*); психологический возраст (–0,357*); коэффициент взрослости (–0,357*); целеустремленность будущее (–0,407*)

Продолжение таблицы 3.

Параметр выбора	Возраст	Параметры времени
Шкала самовыражения	14 (n=38)	Причинные негативные (–0,566***); уверенность (0,407*); удовлетворенность (0,433**); эмоциональность (0,530***)
	24-28 (n=32)	Причинные негативные (0,387*); причинные позитивные (0,449**); всего причинных (0,465**); целевые негативные (0,395*); целевые позитивные (0,442*); всего целевых (0,446**); всего реализованных (0,426*); ожидаемая продолжительность жизни (0,435*); целеустремленность прошлое (0,413*); целеустремленность будущее (0,410*); уверенность (–0,497**)

*Различия значимы на уровне 0,05; ** Различия значимы на уровне 0,01;

*** Различия значимы на уровне 0,001

Корреляционный анализ выявил значимые связи между параметрами выбора и временной перспективы. Регрессионный анализ, проводился на связанных переменных в каждой возрастной группе. Сравнивались два типа моделей:

1. Модели, где психологические параметры выбора (зависимые переменные) предсказываются характеристиками временной перспективы.

2. Модели, где характеристики временной перспективы (зависимые переменные) предсказываются параметрами выбора.

Зависимыми переменными во всех значимых регрессионных моделях в возрастных группах от старшего подростничества до поздней юности выступили психологические параметры профессионального выбора, а предикторами — характеристики временной перспективы. Значимые регрессионные модели представлены в таблице 4.

Таблица 4. Значимые регрессионные модели взаимосвязей параметров выбора и временной перспективы респондентов от старшего подростничества до поздней юности (14–23 года).

Зависимая переменная	R ² adj.	F	Предикторы (β)	VIF
Старшее подростничество (14 лет, n=38)				
Самостоятельность выбора	0,168	4,731*	Уверенность (0,405*); эмоциональность (0,151).	1,047 1,047
Эмоциональная окраска выбора	0,302	6,337**	Уверенность (0,163*); ожидаемая продолжительность жизни (0,435**).	1,048 1,020
Удовлетворенность выбором	0,439	10,665 ***	Уверенность (0,315*); субъективный возраст прошлое (–0,412**); ожидаемая продолжительность жизни (0,447***).	1,014 1,012 1,003
Шкала самовыражения	0,387	6,842***	Причинные негативные (–0,384*); эмоциональность (0,482**).	1,065 4,092

Продолжение таблицы 4.

Зависимая переменная	R ² adj.	F	Предикторы (β)	VIF
Шкала автономии	0,537	9,589***	Целевые негативные (–0,700***); коэффициент взрослости (–0,527**); целеустремленность будущее (0,776**).	1,654 1,953 1,459
Ранняя юность (15-18 лет, n=48)				
Удовлетворенность выбором	0,162	5,538**	Ожидаемая продолжительность жизни (0,369**); целеустремленность настоящее (0,246).	1,003 1,003
Поздняя юность (19-23 года, n=38)				
Самостоятельность выбора	0,254	7,315**	Всего потенциальных (–0,335*); уверенность (0,304).	1,244 1,244
Удовлетворенность выбором	0,096	4,914*	Уверенность (0,347*)	1,000
Самостоятельность выбора	0,256	7,368**	Целеустремленность будущее (–0,350*); уверенность (0,276).	1,337 1,337

*Различия значимы на уровне 0,05; ** Различия значимы на уровне 0,01;

*** Различия значимы на уровне 0,001.

Зависимыми переменными во всех значимых моделях для респондентов возраста ранней взрослости выступили характеристики временной перспективы, а предикторами — психологические параметры профессионального выбора. Значимые регрессионные модели представлены в таблице 5.

Таблица 5. Значимые регрессионные модели взаимосвязей параметров выбора и временной перспективы респондентов возраста ранней взрослости (24–28 лет, n=32).

Зависимая переменная	R ² adj.	F	Предикторы (β)	VIF
Причинные позитивные	0,499	11,301***	Удовлетворенность выбором (0,646***); шкала самовыражения (–0,567***).	1,071 1,167
Целевые негативные	0,194	3,481*	Удовлетворенность выбором (0,391*); шкала самовыражения (–0,254); продуманность выбора (0,321).	1,175 1,167 1,071
Целевые позитивные	0,345	9,163***	Удовлетворенность выбором (0,663***); шкала самовыражения (–0,291).	1,145 1,145
Всего причинных	0,473	14,897***	Удовлетворенность выбором (0,517**); шкала самовыражения (0,703***).	1,145 1,145
Всего реализованных	0,186	4,544*	Удовлетворенность выбором (0,520**); шкала самовыражения (–0,230).	1,145 1,145
Уверенность	0,200	4,871*	Удовлетворенность выбором (–0,501**); шкала самовыражения (–0,002).	1,145 1,145
Целеустремленность будущее	0,492	16,090***	Удовлетворенность выбором (0,619***); шкала самовыражения (–0,657***).	1,145 1,145
Целеустремленность прошлое	0,341	9,011***	Удовлетворенность выбором (0,638***); шкала самовыражения (–0,392*).	1,145 1,145
Всего целевых	0,364	9,873***	Удовлетворенность выбором (0,678***); шкала самовыражения (0,303).	1,145 1,145

*Различия значимы на уровне 0,05; ** Различия значимы на уровне 0,01;

**** Различия значимы на уровне 0,001.*

Полученные данные показывают, что если в подростковом и юношеском возрасте параметры временной перспективы выступают значимыми предикторами характеристик выбора, то начиная с возраста ранней взрослости именно характеристики выбора (в частности, удовлетворенность выбором и самовыражение) становятся значимыми предикторами параметров временной перспективы. Таким образом, изменение взаимосвязи восприятия времени жизни и выбора является качественной трансформацией, характеризующей переход от поздней юности к ранней взрослости, подтверждая частную гипотезу № 4.

В Главе 5. «Концепция развития представлений о будущем от старшего подростничества до ранней взрослости» представлена целостная теоретико-эмпирическая модель, объединяющая результаты теоретического анализа и двух этапов эмпирического исследования (общая выборка 1694 человека).

Концептуальной основой модели выступает понимание представлений о будущем как динамического и системного психологического образования, интегрирующего способность сознательно прогнозировать будущее, образ «Я» в будущем и ориентацию во временной перспективе через осознанный выбор, значимые события и смыслы [Абульханова-Славская, 1991; Леонтьев, 2004; Головаха, Кроник, 2008]. Развитие этих представлений подчиняется принципам культурно-исторической концепции (Л.С. Выготский, Б.Д. Эльконин) и системного подхода (Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, Е.А. Сергиенко), согласно которым переход от подростничества к взрослости опосредован сменой социальной ситуации развития и ведущей деятельности. Модель представлена в форме вербального описания, графической схемы (рис. 6) и в табличном виде (таблица 6).

Модель отображает развитие представлений о будущем как циклический процесс чередования фаз «расширения времени» и «наполнения содержанием». В фазе расширения времени доминируют объектность и оценочность, происходит постановка новых целей и поиск альтернатив. В фазе наполнения содержанием ведущими становятся субъектность и констатация, формируется ценностно-насыщенный образ «Я» в будущем. Модель включает четыре возрастные фазы и три качественных перехода, она построена на основе эмпирических данных и синтезирует известные теоретические положения (К. Левина, Д.А. Леонтьева, В.Р. Манукян) с вновь выявленной качественной трансформацией.

Таблица 6. Модель развития представлений о будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости

Возрастной этап	Старшее подростничество	Ранняя юность	Поздняя юность	Ранняя взрослость
Фаза	Расширение времени	Наполнение содержанием	Расширение времени	Наполнение содержанием
Качественная трансформация				Выбор влияет на время
			Осознанная модель будущего	
		Будущее формирует настоящее		

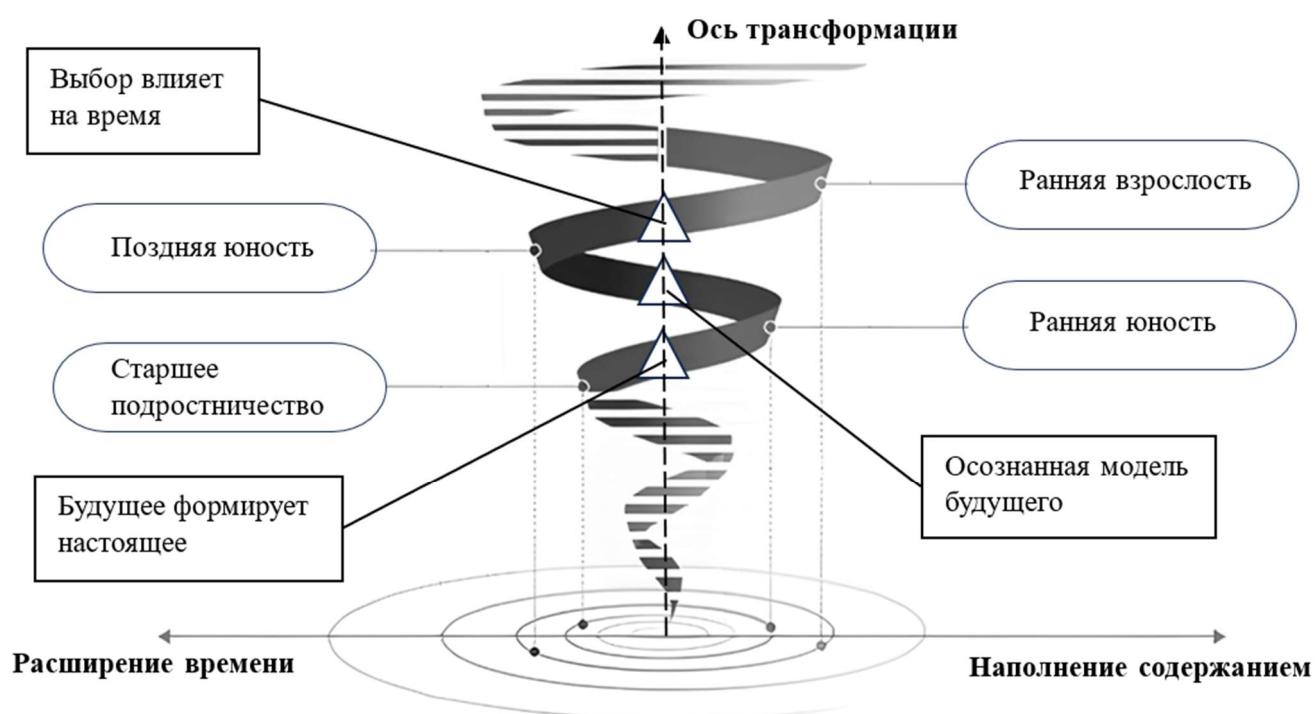

Рис. 6. Модель развития представлений о будущем от старшего подростничества до ранней взрослости

Суть разработанной модели заключается в следующем: развитие представлений о будущем от 14 до 28 лет представляет собой циклический процесс чередования фаз расширения временного горизонта и его содержательного наполнения. Эти перспективы являются неразрывными и взаимодополняющими, а фазовый характер показывает приоритет одного параметра перед другим. На каждом витке развития представлений о будущем происходит качественная трансформация видения будущего: 1) «будущее формирует настоящее» (переход от подростничества к ранней юности) – настоящее начинает интерпретироваться через призму ожидаемых событий [Левин, 2000]; 2) «осознанная модель будущего» (переход к поздней юности) — профессиональный выбор становится центральным смыслообразующим элементом

временной перспективы [Леонтьев и др., 2015; Сергиенко, Эйдельман, 2014]; 3) «выбор влияет на время» (переход к ранней взрослости). При этом качественная трансформация на переходе от поздней юности к ранней взрослости подразумевает под собой, что на смену паттерну, в котором восприятие времени выступало предиктором выбора, приходит паттерн, в котором удовлетворенность выбором и самовыражение становятся предикторами восприятия времени.

Практическое значение концепции заключается в обосновании необходимости развития «компетентности в проектировании времени» как личностного ресурса, позволяющего конструктивно преодолевать кризисы развития в условиях неопределенности. Модель может быть использована в возрастно-психологическом консультировании, в образовательной практике для сопровождения профессионального самоопределения и в программах повышения квалификации педагогов и психологов.

Таким образом, предлагаемая нами модель синтезирует известные теоретические положения с новыми эмпирическими данными, демонстрируя динамику представлений о будущем в период взросления.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы научных и прикладных исследований.

Основные выводы диссертационного исследования

1. Решена сложная проблема возрастной психологии: показана динамика и закономерности развития представлений о будущем, фазность и нелинейность этого процесса в период от старшего подростничества до ранней взрослости, что восполняет пробелы в изучении данной проблемы. Разработана и эмпирически верифицирована концепция развития представлений о будущем.

2. Впервые описана и эмпирически обоснована качественная трансформация характера связи между восприятием времени и профессиональным выбором, которая знаменует собой переход на этап ранней взрослости. Период, в котором восприятие времени выступало значимым предиктором выбора, сменяется периодом, в котором сделанный выбор (удовлетворенность им и самовыражение) становятся значимыми предикторами восприятия времени жизни. Удовлетворенность профессиональным путем демонстрирует статистически значимую связь с тем, как человек выстраивает дальнейшие планы и оценивает свой жизненный путь. Этот переход определяет возрастную границу между юношеским

возрастом и началом взрослых возрастов в вопросе развития представлений о будущем.

3. Описана модель качественной трансформации развития представлений о будущем и смены системообразующих параметров, влияющих на представление о нем, что подразумевает развитие этих представлений в результате чередования «смысловой» (содержание) и «хронологической» (временной) фаз. Эти перспективы являются неразрывными и взаимодополняющими, а фазовый характер показывает приоритет одного параметра перед другим. На каждом витке развития представлений о будущем происходит качественная трансформация. Кроме выявленной эмпирическим путем трансформации «выбор влияет на время», которая подразумевает, что уровень удовлетворенности выбором и самовыражение прогнозируют изменение характеристик временной перспективы, в модель включены доказанные ранее трансформации «будущее формирует настоящее» на переходе из старшего подростничества в возраст ранней юности (К. Левин) и «осознанная модель будущего» на переходе из возраста ранней юности в возраст поздней (Д.А. Леонтьев, В.Р. Манукян, Г.Н. Эйдельман, Е.А. Сергиенко).

4. На основании сравнительного анализа параметров представлений о будущем на последовательных годовых интервалах от 14 до 28 лет показан разнородный характер возрастной динамики в представлениях о будущем. Такие параметры как «субъектность – объектность» (роль респондента в называемых им событиях жизни) и «оценочность – констатация» (рефлексивное отношение к событиям) позволили определить характер динамики, а статистические методы — установить границы фаз. Зафиксированы статистически значимые различия между возрастными группами 14 лет, 15–18 лет, 19–23 года и 24–28 лет, что позволяет говорить о нелинейном характере возрастных изменений; при этом на переходах между этими периодами субъектность и констатация развиваются в противофазе к объектности и оценочности.

5. В период от старшего подростничества до ранней взрослости в содержательных и временных характеристиках представлений молодых людей о будущем происходят изменения. Для подростков будущее «случается». Для представителей ранней юности содержание будущего основано на трех основных тематиках: профессиональное образование, жизненные возможности, своя семья. В поздней юности ключевым аспектом осмысления образа будущего становится связь возможностей со временем. Основу представлений о будущем в возрасте ранней

взрослости составляет связь профессиональной деятельности с семьей и личностью самого человека. Выявленные изменения происходят в рамках чередования фаз временного осмысления будущего и его содержательного наполнения.

6. Описана качественная трансформация развития представлений о будущем в возрасте от 14 до 28 лет: от романтизированного, насыщенного возможностями, но внутренне конфликтного видения в подростковом возрасте к более реалистичному, ответственному и рефлексивному конструированию жизненной траектории в возрасте ранней взрослости. На каждом возрастном этапе действует своя специфическая система детерминант:

- в подростковом возрасте (14 лет) «пик будущего» с высокой насыщенностью и потенциальностью сочетается с внутренним диссонансом и незавершенностью идентичности. Ключевую роль играют динамические характеристики («целеустремленность в будущее» и «ожидаемая продолжительность жизни»), которые напрямую повышают автономию и положительную эмоциональную окраску выбора;

- в ранней юности (15–18 лет) будущее начинает определять настоящее. На этом этапе вера в долгую жизнь становится психологическим ресурсом, смягчающим когнитивный диссонанс от растущей неопределенности;

- в поздней юности (19–23 года) на первый план выходит кризис реализации идентичности, характеризующийся поляризацией стратегий выбора (подлинный или конформный) и «накопленной неопределенностью». Прошлый опыт становится решающим ресурсом, а фокус смещается с поиска пути на качественную реализацию уже сделанного выбора, что приводит к относительной «минимизации будущего»;

- в ранней взрослости (24–28 лет) наблюдается принципиальное изменение паттерна взаимосвязей: не временная перспектива выступает предиктором выбора, а характеристики сделанного выбора (прежде всего, удовлетворенность им) становятся значимыми предикторами восприятия времени.

7. Также выявлено, что при общем психологическом сходстве существуют устойчивые половые различия в профессиональном самоопределении и его связи с восприятием времени. Девушки демонстрируют более позитивные показатели выбора, а удовлетворенность играет для них интегрирующую роль. У юношей показатели выбора слабее, их связь со временем и возрастной идентичностью более

прямая, но конфликтная (например, самостоятельность связана с низким коэффициентом взрослости).

С учетом подтверждения выдвинутых частных гипотез общая гипотеза о том, что развитие представлений о собственном будущем современных подростков, юношей/девушек и молодежи от 14 до 28 лет характеризуется упорядоченной возрастной динамикой, включающей качественную трансформацию, в том числе за счет изменения восприятия личностью параметров выбора и времени жизни, получила свое подтверждение.

Ограничением проведенного исследования является включение в выборку только представителей учащейся молодежи. Все участники исследования тем или иным образом связаны с образовательной сферой деятельности. Это школьники, студенты организаций СПО, студенты вузов очной и заочной форм обучения, молодые преподаватели и аспиранты.

Указанные результаты и ограничения создают предпосылки для определения дальнейших перспективных направлений исследований.

– Выявленная трансформация дает основание не просто констатировать, что юность «растянулась», а выделить внутри этого увеличившегося периода ключевое качественное изменение, связанное с развитием представлений о будущем. Это позволяет спроектировать перспективные исследования качественного изменения процесса взросления в периоде «становящейся взрослости».

– Также заслуживает внимания планирование исследования, основанного на разработанных принципах качественной трансформации и динамики развития представлений о собственном будущем юношей/девушек из профессиональных сфер, не связанных с образованием, что позволит сформировать более полную психологическую картину развития представлений о будущем в исследуемых возрастах.

– Разработанный подход позволяет расширять возрастные границы исследования на весь подростковый период и более поздний взрослый возраст, изучая наличие и характер качественных трансформаций, аналогичных по проявлениям тем, которые были выявлены или подтверждены результатами настоящего исследования.

– Перспективным направлением исследований можно считать изучение механизмов детерминации и взаимопереходов между чередующимися фазами временного осмысления будущего и его содержательного наполнения.

Нами была решена проблема исследования: выявлена динамика представлений о своем будущем в период от старшего подростничества до ранней взрослости. Поставленные в начале исследования задачи выполнены, подтверждены общая и частные гипотезы исследования, а также намечены перспективы дальнейших исследований.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в 40 публикациях автора (общий объем – 75,66 п.л., авторский вклад – 45,21 п.л.)

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (5.3.7.)
(общий объем – 26,65 п.л., авторский вклад – 24,43 п.л.).

1. Шилова, Н.П. Взаимосвязь временной перспективы и профессионального самоопределения у юношей и девушек: половые различия / Н.П. Шилова // Психологическая наука и образование . – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 68–81. DOI 10.17759/pse.2026310103.
2. Шилова, Н.П. Качественная трансформация во взаимосвязи временной перспективы и профессионального выбора на рубеже ранней взрослости / Н.П. Шилова // Психолого-педагогические исследования. – 2025. – Т. 17, № 4. – С. 196–212. DOI 10.17759/psyedu.2025170412.
3. Шилова, Н.П. Временная перспектива в современных зарубежных исследованиях: возрастные, культурные и социальные аспекты / Н.П. Шилова // Современная зарубежная психология. – 2025. – Т. 14, № 3. – С. 105–114. – DOI 10.17759/jmfp.2025140309.
4. Шилова, Н.П. Субъективация смыслов взросления юношами и девушками / Н.П. Шилова // Психологическая наука и образование. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 22–35. DOI 10.17759/pse.2025300102.
5. Шилова, Н.П. Представления юношей и девушек о будущем и результаты государственной итоговой аттестации / Н.П. Шилова // Психолого-педагогические исследования. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 58–75. DOI 10.17759/psyedu.2024160407.
6. Шилова, Н.П. Динамика в формировании образа будущего от подростничества до взрослости / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2024. № 3. – С. 133–147. DOI 10.25688/2076-9121.2024.18.1-2.15.
7. Шилова, Н.П. Представления юношей и девушек о будущем, раскрытые через художественный образ взросления / Н.П. Шилова // Психолого-педагогические исследования. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 58–75. DOI 10.17759/psyedu.2024160104.
8. Шилова, Н.П. Особенности временной перспективы в юношестве в зависимости от уровня получаемого образования: результаты сравнительно исследования / Н.П. Шилова // Психология и психотехника. – 2024. № 1. – С. 128–142. DOI 10.7256/2454-0722.2024.1.69796.
9. Шилова, Н.П. Взросление в представлениях современных юношей и девушек / Н.П. Шилова // Современная зарубежная психология. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 163–172. – DOI 10.17759/jmfp.2023120315.
10. Шилова, Н.П. Половые различия в формировании временной перспективы в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2023. – № 3. – С. 133–147. – DOI 10.25688/2076-9121.2023.17.3.07.

11. Шилова, Н.П. Возрастные различия в представлениях о будущем от подростничества до взрослости / Н.П. Шилова // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 62–74. – DOI 10.17759/pse.2023280305.
12. Шилова, Н.П. Временная перспектива и важность жизненных событий в юношестве / Н.П. Шилова, А.К. Владыко // Вестник университета. – 2023. – № 3. – С. 218–226. – DOI 10.26425/1816-4277-2023-3-218-226.
13. Шилова, Н.П. Формирование жизненного пространства в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Психология и психотехника. – 2023. – № 2. – С. 11–23. – DOI 10.7256/2454-0722.2023.2.39131.
14. Шилова, Н.П. Взаимосвязь интересов в собственном образовании и сформированности умения делать выбор в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Психолого-педагогические исследования. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 32–48. – DOI 10.17759/psyedu.2023150203.
15. Шилова, Н.П. Взаимосвязь представлений о будущем и образовательных результатов в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Российский психологический журнал. – 2022. Т. 19, № 1. – С. 76–88. – DOI 10.21702/rpj.2022.1.6.
16. Шилова, Н.П. Представление о будущих видах деятельности у современных юношей и девушек / Н.П. Шилова // Психология и Психотехника. – 2021. – № 4. – С. 143–154. – DOI 10.7256/2454-0722.2021.4.34855.
17. Шилова, Н.П. Взаимосвязь значимых жизненных событий и переживаний в юношестве / Н.П. Шилова // Российский психологический журнал. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 70–85. – DOI 10.21702/rpj.2021.3.5.
18. Шилова, Н.П. Этапы взросления в российской современной культуре / Н.П. Шилова, А.К. Владыко // Сибирский психологический журнал. – 2021. – № 82. – С. 37–53. – DOI 10.17223/17267080/82/3.
19. Шилова, Н.П. Формирование временной перспективы современных юношей и девушек / Н.П. Шилова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 34–42.
20. Шилова, Н.П. Изменение представлений об образе будущего в юношеском возрасте / Н.П. Шилова, П.П. Бруданов // Психолог. – 2020. – № 4. – С. 45–59. – DOI 10.25136/2409-8701.2020.4.32736.
21. Шилова, Н.П. Представления о жизненном пути в юношестве / Н.П. Шилова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 29–37.
22. Шилова, Н.П. Гендерные особенности формирования временной перспективы будущего в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Психолог. – 2019. – № 5. – С. 66–72. – DOI 10.25136/2409-8701.2019.5.31066.
23. Шилова, Н.П. Структура образовательных интересов в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2018. – № 4 (46). – С. 41–50. – DOI 10.25688/2076-9121.2018.46.4.04.
24. Шилова, Н.П. Самоуправление как задача воспитательной работы в школе: ситуация, опыт, рекомендации / Н.П. Шилова, Н.Ф. Логинова, А.В. Лученков // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2018. – № 3 (45). – С. 73–83.
25. Шилова, Н.П. Психолого-педагогические основания формирования устойчивых образовательных интересов в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Живая психология. – 2018. – Т. 5, № 2. – С. 95–106. – DOI 10.18334/lp.5.2.39219.

Монографии и коллективные монографии

26. Возрастно-ориентированная старшая школа : к реализации новых образовательных стандартов : монография / П.А. Сергоманов, А.В. Лученков, Н.П.

Васильева, Н.Ф. Логинова. – М. : URSS, 2014. – 288 с. – (Психология, педагогика, технология обучения ; № 39).

27. Старшая школа: возрастно-ориентированная модель : монография / П.А. Сергоманов, А.В. Лученков, Н.П. Васильева, Логинова Н.Ф. – Красноярск : КК ИПКиППРО, 2012. – 231 с.

28. Васильева, Н.П. Динамика юношеского возраста / Н.П. Васильева. – Красноярск : СФУ, 2007. – 102 с.

Статьи в других научных журналах

29. Шилова, Н.П. Современный культурный контекст представлений о будущем в юношеском возрасте / Н. П. Шилова, А. К. Владыко // Сибирский психологический журнал. – 2022. – № 86. – С. 103–118. – DOI 10.17223/17267080/86/6.

30. Шилова, Н.П. Особенности временной транспективы студентов среднего профессионального образования: результаты сравнительного исследования / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 94–110. – DOI 10.25688/2076-9121.2022.16.1.05.

31. Шилова, Н.П. Взросление в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2020. – № 4 (54). – С. 37–49. – DOI 10.25688/2076-9121.2020.54.4.03.

32. Шилова, Н.П. Построение поля собственной жизни юношами и девушками в зависимости от уровня получаемого образования / Н.П. Шилова // Педагогика. – 2020. – № 4. – С. 76–81.

33. Шилова, Н.П. Исследование взросления в юношеском возрасте / Н.П. Шилова // Педагогика. – 2019. – № 7. – С. 65–71.

34. Шилова, Н.П. Самоуправление в школе: опыт организации (по отзывам учителей и школьников) / Н.П. Шилова, Н.Ф. Логинова, А.В. Лученков // Педагогика. – 2018. – № 9. – С. 52–63.

35. Sergomanov, P.A. Institutional Mechanisms and Conditions for the Transition to Independence and Responsibility. Adolescence as a Transition / P.A. Sergomanov, N.P. Vasilyeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2012. – Vol. 5, № 11. – P. 1660–1670.

36. Васильева, Н.П. Игровая методика «Четыре четверти» / Н.П. Васильева, Е.В. Никитина, Б.И. Хасан // Психология и школа. – 2006. – № 1. – С. 52–83.

37. Васильева, Н.П. Четыре четверти : методическая разработка / Н.П. Васильева, Е.В. Никитина, Б.И. Хасан – Красноярск : Красноярский государственный университет. 2005. – 39с. – (Экспресс-издание).

38. Сергоманов, П.А. Вопросы профессионального самоопределения старшеклассников и доступность высшего образования / П.А. Сергоманов, Н.П. Бруданова // Инновации в образовании. – 2005. – № 2. – С. 122–124.

39. Сергоманов, П.А. К вопросу о содержании и переживании конфликтов развития в юношеском возрасте / П.А. Сергоманов, Н.П. Васильева // Журнал практического психолога. – 2004. – № 3. – С. 23–50.

40. Сергоманов, П.А. Вопросы профессионального самоопределения старшеклассников и доступность высшего образования / П.А. Сергоманов, Н.П. Бруданова // Образование в современной школе. – 2003. – № 10. – С. 51–55.